

**УКАЗ 17 АПРЕЛЯ 1905 г. «ОБ УКРЕПЛЕНИИ НАЧАЛ
ВЕРОТЕРПИМОСТИ» В КОНТЕКСТЕ ФОРМИРОВАНИЯ ИНСТИТУТА
СВОБОДЫ СОВЕСТИ В ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ
РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ**

А. А. Сафонов

Проблема реформирования государственно-церковных отношений на основе принципа свободы совести, активно обсуждавшаяся в конце XIX–начале XX вв. российской общественностью, привлекала пристальное внимание правящей политической элиты. Так, председатель Комитета министров Н. Х. Бунге еще в 1890-х гг. ставил на первый план «вопрос о введении широкой веротерпимости» [7, с. 27]. Министр внутренних дел П. Д. Святополк-Мирский на аудиенции у императора 25 августа 1904 г. говорил о веротерпимости и свободе совести как о важных составляющих своей программы реформ и получил поддержку Николая II, сказавшего, что «это всегда были его воззрения» [4, с. 242].

Постановка вопроса о расширении вероисповедной свободы была, между тем, для власти делом непростым, поскольку на повестке дня закономерно возникал вопрос об изменении правового статуса Русской православной церкви (далее – РПЦ), ставшей за два века синодального строя важной частью системы государственного управления. Изменение принципов управления РПЦ и введение свободы совести могло повлечь за собой «цепную реакцию» реформирования других звеньев политической системы государства. Все это представляло опасность для самодержавия [15, с. 99, 131].

Тем не менее власть сознавала актуальность религиозного вопроса и необходимость улучшения религиозного быта своих подданных. В Манифесте 26 февраля 1903 г. «О предначертаниях к усовершенствованию государственного порядка» содержалось обещание «укрепить неуклонное соблюдение властями, с делами веры соприкасающимися, заветов веротерпимости, начертанных в основных законах Империи Российской» [10, т. 23, № 22581]. Речь в Манифесте шла не о выработке новых принципов религиозной политики, а о более точном и последовательном применении старых. Акт был направлен против нарушений принципов веротерпимости в правоприменительной практике властей.

Следует заметить, что в проекте Манифеста 26 февраля 1903 г., составленном близким к Николаю II князем В. П. Мещерским, первоначально планировалось положение о разработке условий для расширения свободы совести [7, с. 134]. Но эта статья была отредактирована, упоминание о свободе совести из нее убрали, ограничившись призывом сохранять устойчивую «терпимости в законах веры» [3, с. 445].

Идеи Манифеста 1903 г. были развиты в Указе Сената «О предначертаниях к усовершенствованию государственного порядка», подписанном 12 декабря 1904 г. В пункте 6 Указа император повелевал «для закрепления выраженного <...> в Манифесте 26 февраля 1903 г. неуклонного душевного желанья охранять <...> терпимость в делах веры, подвергнуть пересмотру узаконения о правах раскольников, а равно лиц, принадлежащих к инославным и иноверным исповеданиям, и <...> принять ныне же в административном порядке соответствующие меры к устранению в религиозном быте их всякого, прямо в законе не установленного, стеснения» [10, т. 24, № 25496].

Характеризуя обсуждение проекта данного Указа в Царскосельском совещании, присутствовавший на нем С. Ю. Витте отмечал, что сановники говорили о необходимости «большей свободы вероисповеданий» [2, т. 1, кн. 2, с. 661]. Новелла Указа 12 декабря 1904 г. состояла в высказанном властью намерении изменить правовой статус раскольников, о которых Манифест 26 февраля 1903 г. даже не упоминал, а разъяснительные к нему материалы всячески подчеркивали, что инославие и иноверие никакого отношения к старому обряду не имеют. В условиях переживаемого страной внутривластного кризиса власти решились поддержать старообрядцев: им импонировали их монархические симпатии, консерватизм и дисциплинированность. К примеру, участвовавший в составлении Указа 12 декабря С. Ю. Витте отзывался о старообрядцах как о «наиболее преданной русским началам и православию в правильном смысле слова части русского народа» [2, т. 2, с. 123].

Реализация Указа 12 декабря 1904 г. была возложена на Комитет министров. По повелению императора, к участию в работе Комитета были привлечены также митрополит Санкт-Петербургский и Ладожский Антоний (Вадковский), сенатор Н. С. Таганцев, а также члены Государственного совета А. А. Сабуров и А. Н. Куломзин.

По воспоминаниям С. Ю. Витте, принцип веротерпимости встречал сочувствие большей части членов Комитета министров, но в особенности у министра юстиции Н. В. Муравьева, управляющего Министерством финансов В. Н. Коковцова, министра земледелия А. С. Ермолова и члена Государственного совета, вскоре возглавившего Министерство внутренних дел, А. Г. Булыгина [1]. Позицию самого С. Ю. Витте в отношении веротерпимости трудно оценить однозначно. Позднее он вспоминал: «Я употреблял все усилия, дабы реформы, намеченные в указе, были проведены возможно полнее и спешно. По каждому вопросу давал инициативу... Но по обыкновению сначала встретил апатию, затем интриги, а в заключение недоверие государя ко всем реформам, намеченным указом. В результате практически было кое-что сделано по вопросу о веротерпимости..., о старообрядцах и

сектантах» [2, т. 2, с. 116]. А. А. Дорская справедливо отмечает, что, как мудрый политик, Витте понимал значимость вопроса о свободе совести, однако изменять систему господствующего положения РПЦ не собирался. [5, с. 43].

Обсуждением вопросов, вытекавших из п. 6 Указа 12 декабря, Комитет министров занимался на протяжении января–марта 1905 г. Им было посвящено шесть заседаний: 25 января, 1, 8, 15 и 22 февраля и 1 марта. С. Ю. Витте вспоминал: «Сперва Комитет министров определил некоторые общие положения о веротерпимости, затем <...> остановился на устранении стеснений, лежащих на старообрядчестве и на неизуверных сектах <...>, затем положения, требующие большего развития, передал в совещание (совещание А. С. Игнатъева. – А. С.)» [2, т. 2, с. 121]. Указанные вопросы явились темой первых четырех заседаний, на двух последних речь шла о положении представителей инославных и иноверных вероисповеданий [8, с. 15].

Нельзя упускать из виду того обстоятельства, что работа Комитета министров в области расширения веротерпимости совпала с началом Первой русской революции, которая привела к радикализации религиозных реформ, к переходу от заявления о необходимости сохранять устои политики веротерпимости (Манифест от 26 февраля 1903 г. и Указ от 12 декабря 1904 г.) к провозглашению свободы совести (Манифест 17 октября 1905 г.).

Работа Комитета министров протекала в условиях широкой гласности. Ход обсуждения вопросов о веротерпимости, его итоги и мотивировки выработанных решений были изложены в журналах Комитета министров, публиковавшихся для всеобщего сведения и утверждавшихся императором.

В числе причин, побудивших государство обратиться к реформированию вероисповедного законодательства, указывалась его «неполнота и отсталость от современной жизни». Отмечалось, что конфессии жили в Российской империи по законам, «относящимся большей частью к XVIII и началу XIX столетия». Несовершенство законодательства порождало произвол администрации, устанавливавшей правила, которые «противоречили началам веротерпимости». За выявлением недостатков последовало первое решение Комитета министров, который в заседании 25 января 1905 г. объявил утратившими силу административные распоряжения, стеснявшие свободу вероисповедания [8, с. 17].

Была облегчена участь значительного числа религиозных диссидентов, которые отбывали наказание за совершение религиозного преступления. Так, уже в феврале–марте 1905 г. Министерство внутренних дел приняло решение о прекращении полицейского преследования в отношении 562 лиц, наказанных по религиозным основаниям.

Анализируя журнал Комитета министров, положенный в основу Указа о веротерпимости 17 апреля 1905 г., представители либерального правове-

дения резюмировали, что последний «с удивительной простотой и деловитостью констатирует самые невозможные фантастические факты из русской религиозной практики», признает, что «никакой веротерпимости на деле у нас не было, а те весьма скромные уступки иноверцам и инославным христианам, которые были сделаны законом, на самом деле были уничтожены целиком при помощи всемогущего административного усмотрения» [12, с. 396–397, 404–405].

В период разработки Указа «Об укреплении начал веротерпимости» была принята во внимание позиция государственной церкви. Ее выразителями явились митрополит Санкт-Петербургский и Ладожский Антоний, а также товарищ обер-прокурора Синода В. К. Саблер. Обер-прокурор К. П. Победоносцев в работе Комитета не участвовал. Как отмечал С. Ю. Витте, «К. П. Победоносцев, пришедши раз в заседание и усмотревши, что митрополит Антоний выражает некоторые мнения, идущие вразрез с идеей о полицейской православной церкви, которую он, Победоносцев, двадцать пять лет культивировал в качестве обер-прокурора Святейшего Синода, он совсем перестал ходить в Комитет и начал посылать своего товарища Саблера. Несмотря на то что митрополит Антоний был крайне умерен в своих взглядах, а Саблер употреблял все усилия, чтобы делать препоны, Победоносцев все-таки остался ими недоволен и с ними разошелся» [2, т. 2, с. 120–121].

Оценка К. П. Победоносцевым деятельности Комитета министров по разработке указа о веротерпимости была всецело негативной: «Заседания Комитета министров суть пытка <...> Слышны только безумные речи людей, не желающих знать ни истории, ни народа <...>, провозглашающих только какую-то голую свободу, стремящихся в несколько часов разрушить вековые учреждения, установленные для ограждения ценности государства и внутреннего порядка» [13, с. 185]. В изданной ранее статье «Свобода совести и терпимость» К. П. Победоносцев утверждал, что «безусловная свобода совести обращается на деле в свободу насилия и преследования и служит не к водворению мира, но к распространению злобы и ненависти между гражданами» [9, с. 177].

Однако увещания обер-прокурора Синода уже не оказывали определяющего влияния на императора. 15 апреля 1905 г. управляющий делами Комитета министров Э. Ю. Нольде представил Николаю II проект указа Правительствующему Сенату «Об укреплении начал веротерпимости», а 17 апреля 1905 г. указ был подписан.

Указ «Об укреплении начал веротерпимости» содержал семнадцать пунктов, наиболее важными из которых являлись первые три, принципиально менявшие отношение государства к инославным и иноверным исповеданиям. В них, в частности, провозглашалось: свобода выбора веры в

рамках христианских исповеданий (п. 1); право супругов, переходящих из одного христианского исповедания в другое, определять религиозную принадлежность своих детей, не достигших четырнадцатилетнего возраста (п. 2); право перехода православных в нехристианскую веру, если до присоединения к православию они исповедовали ее сами или их предки (п. 3).

Указ устанавливал, что христиане всех вероисповеданий отныне могут брать на воспитание подкидышей и крестить их в свою веру (п. 4); четко разделял вероучения, относимые ранее к «расколу», на старообрядческие согласия, сектанство и изуверные (за принадлежность к последним сохранялась уголовная ответственность) (п. 5); распространял на всех сектантов, исключая «изуверных», свободу вероисповедания в объеме, установленном для старообрядцев (п. 6); официально отменял наименование «раскольник» (заменилось на «старообрядец») (п. 7); разрешал старообрядцам и сектантам постройку культовых зданий на тех же основаниях, что и инославным (п. 8); лидерам их общин присваивал наименования «наставник» и «настоятель» и предоставлял определенные льготы (п. 9); разрешал им отправлять духовные требы, а также свидетельствовать духовные завещания на правах, предоставленных всему духовенству (п. 10); уравнивал старообрядцев и сектантов в правах с инославными при заключении ими смешанных браков с православными (п. 11); предписывал распечатать все запечатанные церкви и молитвенные дома, вводил общие правила их открытия (п. 12); устанавливал преподавание инославным христианам в учебных заведениях Закона Божия духовными лицами их исповеданий и на «природном языке» учащихся (п. 14); признавал необходимость пересмотра правовых актов о религиозном быте мусульман (п. 15) и ламаитов (буддистов), запрещал именовать последних идолопоклонниками и язычниками (п. 16); предлагал привести в действие утвержденные 17 апреля 1905 г. Комитетом министров положения о порядке осуществления п. 6 Указа 12 декабря 1904 г. (п. 17). [10, т. 25, № 26125].

Указ 17 апреля 1905 г. «Об укреплении начал веротерпимости» породил разноречивые отклики. Так, газета «Право», являвшаяся рупором либеральной части российского общества, усматривала в дарованной правительством свободе «далеко не полную веротерпимость, далеко не полную свободу совести», которой пользовались развитые европейские страны и которой «так страстно добивались лучшие люди русского общества и народа в течение долгих-долгих лет». Тем не менее Указ признавался «первой серьезной уступкой в деле свободы духа» и «первым серьезным уроном политики насилия над совестью человека и грубого вмешательства в интимную область веры». Он официально провозглашал «свободу религиозной мысли, хотя и с крупными, существенными урезками» [11].

М. А. Рейснер оценивал усилия правительства в реформировании вероисповедного законодательства как «новую попытку подновить старое

вино в старых мехах», оставшись «на почве русской религиозной полиции». «Русская веротерпимость даже после указа 17 апреля еще далеко не является свободой совести. Этот указ <...> не предоставляет каждому возможность верить в то, во что он хочет <...> Закон 17 апреля есть <...> только норма, расширяющая привилегии инославных и частью иноверных исповеданий», – утверждал правовед [12, с. 404–405, 416].

Не менее критически на Указ «Об укреплении начал веротерпимости» отозвались деятели правоконсервативной ориентации. Они считали его ударом по Православной церкви. Усматривая главное значение указа о веротерпимости в предоставлении иноверцам свободы пропаганды своего иноверия, они предсказывали массовые уходы из РПЦ. Так, редактор «Московских ведомостей» В. А. Грингмут предрекал: «Не пройдет и четверти века, как вся Западная Россия будет окатоличена и ополячена, а весь Юг России делается не только протестантским, но и прямо германским, а восток подвергнется небывалому возрождению мусульманства и буддизма. Заварится страшная междоусобица, с которой пенки снимать будут жиды и атеисты» [14, л. 1–2].

Противниками Указа 17 апреля 1905 г. «Об укреплении начал веротерпимости» являлась также подавляющая часть епархиальных архиереев, отзывы которых по широкому комплексу церковных вопросов поступали в Синод с конца октября 1905 г. до весны 1906 г. Архиереи утверждали, что указ фактически лишает РПЦ положения государственной церкви и ставит ее в один ряд с существующими в империи вероисповеданиями [6, с. 135–136, 145, 148, 159]. Выражением общего мнения православных иерархов стало заявление епископа Полтавского Иоанна, что Указ 17 апреля 1905 г. даровал «полную самостоятельность для всех общин инославных и иноверцев, предоставив им устраивать свою внутреннюю жизнь с наибольшим для себя удобством. Православная церковь в сем отношении теперь находится в менее благоприятных условиях, так как она лишена <...> покровительства от государства и в то же время не получила от него для себя полной свободы» [6, с. 123, 125, 128].

Анализ содержания Указа 17 апреля 1905 г. «Об укреплении начал веротерпимости» показывает, что в Российской империи была установлена ограниченная свобода вероисповеданий, которую можно определить как свободу выбора религии и свободу отправления религиозных обрядов. Весомым результатом принятия указа следует признать юридическое закрепление права личности на вероисповедные переходы в рамках христианских исповеданий, а также допущение отпадения от православия лиц, числящихся в нем формально, а на деле исповедовавших свою старую религию, в одну из нехристианских вер.

Положительно следует оценить распространение принципов веротерпимости на старообрядцев и сектантов, исключая последователей изувер-

ных сект, закрепление за старообрядцами ряда привилегий, относимых ранее к признанным инославным и иноверным религиозным исповеданиям. Указ 17 апреля 1905 г. существенно укрепил правовой статус старообрядческих и сектантских общин, переведя их в категорию признанных терпимых религиозных объединений. В целом принятые в отношении них правовые меры способствовали установлению согласия в русском обществе, воспитанном в убеждении о вреде старообрядческого и сектантского раскола и необходимости борьбы с ним.

В числе позитивных результатов Указа необходимо отметить расширение прав инославных конфессий, признание важности улучшения правового положения мусульман и буддистов (ламаитов). Все эти меры имели целью ликвидировать правовую неравноправность религиозных обществ Российской империи.

Вместе с тем Указ «Об укреплении начал веротерпимости» полностью не разрешал насущных вопросов религиозной политики Российской империи, как и всего спектра проблем, связанных с установлением вероисповедной свободы. Он не затрагивал правового положения иудаизма, не допускал вневероисповедного состояния, без которого была невозможна полная свобода совести. Указ не устанавливал паритета между признанными государством вероисповеданиями и вероучениями, сохраняя приоритетные позиции РПЦ по большинству направлений религиозной жизни, в том числе при проведении миссионерской деятельности.

Важное значение для развития правосознания российского населения имела связанная с разработкой и принятием Указа «Об укреплении начал веротерпимости» религиозная амнистия – облегчение участи лиц, отбывавших наказания по религиозным преступлениям: освобождение их из тюрем, снижение сроков наказаний и др. Большой резонанс в общественных кругах вызвала также либерализация правоприменительной практики и отмена целого ряда административных распоряжений, стеснявших свободу вероисповедания.

Литература

1. Биржевые ведомости. – 1908. – 26 июля.
2. *Витте, С. Ю.* Из архива С. Ю. Витте. Воспоминания: в 2 т. / С. Ю. Витте. – СПб.: Дмитрий Буланин, 2003. – Т. 1–2.
3. Власть и реформы. От самодержавной к советской России / редкол.: Б. В. Ананьич (отв. ред.), Р. Ш. Ганелин, В. М. Панеях. – СПб.: Наука, 1996. – 801 с.
4. Дневник кн. Е. А. Святополк-Мирской за 1904–1905 гг. // Исторические записки. – М., 1965. – Т. 77.
5. *Дорская, А. А.* Свобода совести в России: судьба законопроектов начала XX века / А. А. Дорская. – СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2001. – 143 с.
6. За первый год вероисповедной свободы в России (Бесплатное приложение к журналу «Миссионерское обозрение» за 1906 г.). – СПб.: Колокол, 1907. – 251 с.

7. Кризис самодержавия в России. 1895–1917. – Л.: Наука, 1984. – 664 с.
8. О веротерпимости: Закон 17 апреля 1905 г. – М.: Тип. тов-ва И. Д. Сытина, 1905. – 88 с.
9. *Победоносцев, К. П.* Сочинения / К. П. Победоносцев. – СПб.: Наука, 1996. – 510 с.
10. Полное собрание законов Российской империи. Собрание III. – Т. 1–23. – СПб., 1881–1913.
11. Право. – 1905. – 1 мая. – Стб. 1354–1357.
12. *Рейснер, М. А.* Государство и верующая личность / М. А. Рейснер. – СПб., 1905. – 423 с.
13. Религии мира: история и современность. Ежегодник. – М., 1983.
14. Российский государственный исторический архив. – Ф. 1574. – Оп. 2. – Д. 152.
15. *Фирсов, С. Л.* Русская Церковь накануне перемен (конец 1890-х – 1918 гг.) / С. Л. Фирсов. – М., 2002. – 625 с.